

Козлов Александр Петрович

**ПРОБЛЕМЫ СЕДЕНТАРИЗАЦИИ КАЗАХСКОГО АУЛА В АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ 1920-1930-Х ГГ.**

Статья посвящена проблемам оседания казахского аула в 1920-1930-е гг., истоки которых уходят в годы существования Алашской автономии. По мнению автора, политика форсированной седентаризации казахского аула конца 1920-х - начала 1930-х гг., приведшая к трагическим последствиям для казахского этноса, являлась логическим продолжением аграрной политики республиканского руководства, проводившейся с начала 1920-х гг. Ее основной целью было закрепление коренного этноса в земледельческих районах путем перераспределения земельного фонда в пользу титульной нации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/23.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. II. С. 92-95. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(47)/338

Исторические науки и археология

Статья посвящена проблемам оседания казахского аула в 1920-1930-е гг., истоки которых уходят в годы существования Алашской автономии. По мнению автора, политика форсированной седентаризации казахского аула конца 1920-х – начала 1930-х гг., приведшая к трагическим последствиям для казахского этноса, являлась логическим продолжением аграрной политики республиканского руководства, проводившейся с начала 1920-х гг. Ее основной целью было закрепление коренного этноса в земледельческих районах путем перераспределения земельного фонда в пользу титульной нации.

Ключевые слова и фразы: аграрная политика; демографический кризис; землеустроительные работы; политика седентаризации; титульная нация; экстенсивное скотоводство; этнократия.

Козлов Александр Петрович, к.и.н., доцент

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет
retrovich138@yandex.ru*

**ПРОБЛЕМЫ СЕДЕНТАРИЗАЦИИ КАЗАХСКОГО АУЛА
В АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 1920-1930-Х ГГ. ©**

В исторической науке практика оседания казахского аула всегда вызывала интерес отечественных и зарубежных исследователей. В советской историографии переход коренного населения Казахстана к оседлому образу жизни оценивался однозначно позитивно, как закономерный процесс перехода стран и народов, находящихся на докапиталистической стадии развития, к социализму, минуя капитализм [10; 12]. После обретения Казахстаном независимости ситуация изменилась. В работах некоторых казахстанских историков стали наблюдаться попытки идеализации кочевого быта и соответствующих ему социальных отношений [9; 17; 18].

В современной российской историографии также можно отметить усиление интереса к проблеме оседания казахского аула, в которой седентаризация рассматривается как важнейшая составляющая колониальной политики Российской империи [3-5]. Вместе с тем, следует отметить, что в современной исторической литературе незаслуженно малое внимание уделяется проблеме оседания казахского аула в советское время, хотя, как известно, именно в этот период произошел окончательный переход казахского этноса от кочевого образа жизни к оседлому.

Вхождение Казахстана в состав Российской империи способствовало быстрому росту численности коренного населения и, по мнению ряда исследователей, привело к концу XIX – началу XX в. к ситуации перенаселенности у казахов-кочевников [4, с. 18; 19, с. 237]. Дальнейший естественный прирост в рамках существования кочевого хозяйства сделался невозможным, что объективно приводило к переходу значительного числа казахов к поиску более интенсивных форм хозяйственной деятельности [4, с. 19].

Быстрее всего к оседлости, по целому ряду причин, стало переходить коренное население приграничных с Россией территорий. Хотя отношение местных властей к переходу казахов к оседлости в отдельных регионах было различным: если сибирские власти поощрительно относились к седентаризации кочевников, создавая для этого систему стимулов, то в Оренбурге, напротив, этому всячески препятствовали из-за опасения уменьшения российского экспорта хлеба в казахскую степь [5, с. 27].

Переход коренных жителей к более интенсивным формам хозяйствования приветствовался и в кругах казахской национальной интеллигенции. Пробуждению национального самосознания казахской интеллигенции способствовали восстание 1916 г. против царского указа о мобилизации «инородцев» на тыловые работы и наступившая вскоре Февральская революция. В июле 1917 г. в Оренбурге на I Общекиргизском съезде была образована партия «Алаш», ставящая своей целью достижение национально-территориальной автономии казахского этноса. В программе партии, наряду с национальным вопросом, важное место занимал аграрный вопрос. Представители национальной казахской элиты хорошо понимали, что всерьез говорить о национальной государственности в условиях кочевого образа жизни основной части казахов невозможно, и поэтому намечали целый ряд мер для скорейшего перехода кочевников, прежде всего в земледельческой зоне – на севере и западе Казахстана, к оседлости. Для чего, в частности, предлагалось срочно прекратить приток новых переселенцев из России и перераспределить существующий земельный фонд в пользу «коренных жителей» – казахов [2, с. 90-91].

В декабре 1917 г. в Оренбурге на II Общекиргизском съезде партия «Алаш» заявила о создании казахской национальной автономии, названной Алаш-Ордой, в которую включались Букеевская Орда, Уральская, Тургайская, Акмолинская, Семипалатинская области и населенные казахами районы Закаспийской области и Алтайской губернии. Новое государственное образование возглавил Всекиргизский временный народный совет. Первым Председателем совета стал лидер партии «Алаш» Алихан Букейханов. Столицей автономии был объявлен Семипалатинск [Там же, с. 69].

В годы гражданской войны правительство Алаш-Орды заняло откровенно антисоветскую позицию, заявив о нелегитимности на ее территории законов Советской власти, и пыталось наладить отношения с антибольшевистскими силами: с атаманом А. Дутовым, с «Кочучем», с Уфимской Директорией, с Временным Сибирским правительством в Омске [Там же, с. 108-109]. Но самостоятельная Алаш-Орда, казалось, не нужна была никому, пришедший к власти в Омске адмирал А. Колчак также отказал алашординцам в признании.

После разгрома Красной Армией Колчака Алаш-Орда была немедленно упразднена. Руководители партии «Алаш» первоначально были амнистированы, но, несмотря на это, в 1930-е гг. подверглись репрессиям.

Советская власть, не признав Алаш-Орды, как ни странно, во многом продолжила ее политику. Границы образованной декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1920 г. Киргизской автономной социалистической советской республики (КАССР) удивительным образом совпадали с границами Алаш-Орды. А в 1924 г. в состав КАССР были включены Сырдарьинская и Джетысуйская области и Каракалпакская АО упраздненной Туркестанской АССР, что в свое время также предлагалось алашординцами [8, с. 78]. В итоге территория Казахстана увеличилась до 2,7 млн кв. км, а численность населения достигла более 6,5 млн человек, из которых казахи составляли менее 50% [6, с. 74-75].

То же самое можно сказать о преемственности Советской власти в области аграрной политики, которая имела ярко выраженную национальную направленность и ставила своей целью перераспределение земельного фонда в пользу коренных жителей Республики [12, с. 106]. Это объяснялось во многом тем, что большевики, не имевшие в Казахстане поддержки со стороны русского переселенческого населения и казачества, вынуждены были искать социальную опору своей власти среди коренных жителей Республики и местной национальной элиты.

Аграрная реформа, начавшаяся в 1921 г. на юге Казахстана, в последующие годы железным катком прокатилась по основным районам землепользования казачества и крестьян-переселенцев. Только за первые два года осуществления аграрной реформы в пользу «казахских трудящихся» было перераспределено более 1 млн дес. земли [13, с. 11-12].

С лета 1922 г. начинается «размежевание» земель левобережного Урала, ранее принадлежавших Уральскому казачьему войску, и десятиверстной полосы по левому берегу р. Иртыш, принадлежавшей сибирскому казачеству. Изъятые у казаков земли были перераспределены в пользу коренного населения [23, с. 287-289]. Помимо земли представители титульной нации получили изъятые у русского населения скот, сельскохозяйственный инвентарь, хозяйственные постройки и т.п. [11, с. 152].

Практика изъятия казачьих и переселенческих земель в пользу коренного населения продолжалась и в следующие годы.

Наряду с дискриминационной аграрной политикой, в 1920-е гг. в Казахстане последовательно проводилась политика «коренизации» госаппарата Республики, которая способствовала становлению в автономии этнократической модели правления. Уже к середине 1920-х гг. представители коренной национальности в структуре советской и партийной управленческой элиты различных уровней – краевого, губернского, уездного – составляли до 50% [22, с. 9-17].

Землеустроительные работы, осуществлявшиеся по этническому принципу, имели серьезные последствия и в ряде мест привели к столкновениям на межнациональной почве. На севере Казахстана даже выдвигались требования об отделении уездов с преобладающим русскоязычным населением от Казахстана и присоединении их к Сибири [13, с. 14].

Попытки национальной элиты закрепить за казахским этносом огромную территорию были сопряжены с рядом трудностей, главными из которых являлись экономическая и социальная отсталость казахского аула. Некоторые представители национальной элиты видели выход из ситуации в седентаризации, которая рассматривалась как механизм преодоления отсталых форм социальной организации и интенсификации хозяйственной жизни аула.

О необходимости модернизации казахского аула, под которой, прежде всего, понимался переход на оседлость, стали говорить с самого начала образования новой государственности. В 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили инициированный руководством автономии декрет «О землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Киргизской АССР». Декрет предусматривал широкую программу мероприятий по материальной подготовке оседания: землеустроительные и ирригационные работы, возведение хозяйственных и жилых построек, обучение основам полеводства, помощь в приобретении сельскохозяйственного инвентаря и орудий, необходимых для занятия земледелием, и пр. [23, с. 312-320].

Однако, несмотря на все усилия центральных и республиканских властей, бывшие скотоводы-кочевники с большим трудом переходили к земледелию и оседлости и не спешили расставаться с привычным для них кочевым образом жизни. Согласно данным всесоюзной переписи, не менее 70% казахского населения в 1926 г. все еще продолжало вести кочевой или полукочевой образ жизни [6, с. 12-17].

На трансформацию традиционного уклада казахов были направлены также социально-экономические преобразования, осуществленные в казахском ауле во второй половине 1920-х гг., – передел сенокосных и пахотных угодий и конфискация крупных байских хозяйств [14, с. 121-122]. Но и они не принесли желаемых результатов. Реальная возможность форсированного перевода кочевого населения Республики на оседлый образ жизни появилась в конце 1920-х – начале 1930-х гг. в связи с началом коллективизации.

Коллективизация в Казахстане, как известно, началась с переселенческой деревни и казачьей станицы, но вскоре распространилась и на аул [15, с. 101-102]. Главной особенностью коллективизации в казахском

ауле являлось то, что здесь ее предписывалось проводить вместе с «плановым» переводом кочевых и полукочевых хозяйств на оседлый образ жизни. Состоявшийся в декабре 1929 г. пленум ЦК Казкрайкома пришел к выводу, что необходимым условием проведения генеральной линии по коллективизации является переход кочевников к оседлому образу жизни. Было решено, что из 566 тысяч кочевых и полукочевых хозяйств к январю 1930 г. к оседлости должны были перейти 544 тысячи [21, с. 211].

Перевод аула на оседлость по сути дела означал принудительное переселение огромного числа коренных жителей Республики из южных и центральных районов Республики в северо-западные приграничные районы. Так как предполагалось, что основным источником хозяйственной деятельности «осевшего» аула станут земледелие и стойловое скотоводство, то коллективизация казахских хозяйств проводилась в летнее время, когда кочевники находились на летних пастбищах – «джайлау».

Основной формой колхозного движения в ауле была признана животноводческая сельскохозяйственная артель. Обобществленный скот коллективизированных и переведенных на оседлый образ жизни аулов сгоняли на так называемые колхозно-товарные фермы (КТФ), за которыми кроме названия чаще всего ничего не стояло. Скот, сконцентрированный в большом количестве в одном месте, лишенный должного ухода, теплых помещений, запасов кормов, в условиях суровой северо-казахстанской зимы в большом количестве погибал. Неслучайно раньше в зимнее время кочевники перегоняли скот в более теплые районы на зимние пастбища – «кстау», теперь они были такой возможности лишены. В результате поголовье скота в Казахстане сократилось с 40 млн голов в 1928/29 хоз. г. до 5 млн голов в 1932/33 хоз. г. [7, с. 129-132].

Между тем, скот и животноводческая продукция являлись главным источником существования аула. Ситуация усугублялась возросшей натурализацией крестьянских хозяйств, вызванной разрушением товарно-рыночных связей. Все это привело к продовольственному кризису и голоду 1932-1933 гг., получившему в исторической литературе название «казахстанской трагедии» [1, с. 65]. Отсутствие животноводческой продукции не могло заменить полеводство, размеры занятия которым действительно в казахских хозяйствах существенно возросли. Однако расширение запашки в казахском ауле еще ничего не значило. Из-за отсутствия навыков в занятии земледелием и необеспеченности бывших скотоводов элементарными пахотными орудиями и другим сельскохозяйственным инвентарем урожайность в казахском ауле была чрезвычайно низкой. В результате, согласно различным подсчетам, жертвами голода в Казахстане стали от 1,5 до 1,8 млн представителей казахского этноса [Там же, с. 67].

Серьезные демографические потери понесла также и переселенческая деревня, но они были менее трагичными, чем в ауле, что, с одной стороны, объясняется ее большей гибкостью и устойчивостью, с другой – невозможностью точно подсчитать потери русского населения, так как Казахстан стал одним из основных мест ссылки раскулаченных, которые поднимали процент неказахского населения края.

Для нормализации ситуации в Республике потребовалось вмешательство центра. В сентябре 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О сельском хозяйстве и, в частности, животноводстве Казахстана», которое значительно увеличивало количество скота в индивидуальном пользовании колхозников. В оседло-земледельческих районах разрешалось иметь 2-3 коровы, 10-20 голов овец и коз на хозяйство; в кочевых и полукочевых – 8-10 голов крупного рогатого скота, 3-5 верблюдов, 8-10 голов табунных лошадей, до 100 голов овец. Согласно постановлению, в животноводческих районах основной формой колхозов признавались «тозы». Имевшиеся здесь животноводческие артели подлежали реорганизации и переводу на устав «тозов», а обобществленный в них скот должен был быть роздан в индивидуальное пользование крестьян. Кроме того, животноводческие хозяйства освобождались от государственных налогов и обязательных платежей, в этих хозяйствах были аннулированы государственные долги за прошлые годы, на два года они освобождались также от централизованных скотозаготовок [16, с. 538-539].

Стремление отдельных современных историков, как казахстанских, так и российских, объяснить причины демографического и экономического кризиса в Казахстане в конце 1920-х – начале 1930-х гг. исключительно личными качествами первого секретаря Казахского краевого комитета партии Ф. И. Голощекина, который в феврале 1933 г. был смещен со своего поста, а вскоре расстрелян, вряд ли можно признать состоятельным.

Также совершенно надуманны попытки найти в «казахстанской трагедии» некий кремлевский или российский след и полностью снять ответственность за трагедию с национальной элиты, которая занимала существенное место в политической структуре Казахстана. Не секрет, что реальная власть в этот период истории нашей страны принадлежала коммунистической партии. Казахи, составлявшие, согласно переписи 1937 г., 38,8% населения Республики, имели большой удельный вес в партийных структурах. На учете в Казахстанской парторганизации в том же году состояло: 47,3% казахов, 33,7% русских, 10,2% украинцев, 2,1% татар. Из членов республиканского ЦК партии казахи составляли 47%, а из членов Бюро ЦК – 63,7% [20, с. 135-136].

Разыгравшаяся в казахстанской степи трагедия в значительной степени была следствием непродуманной политики седентаризации, ставящей своей целью закрепление коренного этноса в земледельческих районах края. Политика седентаризации, последовательно проводившаяся республиканским руководством с начала 1920-х гг. под предлогом перераспределения земельного фонда в пользу титульной нации, с переходом в 1929 г. к массовой коллективизации стала осуществляться в форсированной форме. И если бы в ситуацию не вмешалось центральное руководство, то «казахстанская трагедия» могла оказаться еще более серьезной, а ее последствия – получить необратимый характер.

Список литературы

1. **Абылхожин Ж., Козыбаев М. К., Татимов М. Б.** Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 65-67.
2. **Алаш-Орда:** сборник документов. Алма-Ата: Айкап, 1992. 192 с.
3. **Быков А. Ю.** Истоки модернизации Казахстана (проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX в.). Барнаул: АзБука, 2003. 168 с.
4. **Быков А. Ю.** Проблемы седентаризации в политике России в Казахстане, XVIII – начало XX в.: автореф. дисс. ... к.и.н. Барнаул, 2001. 26 с.
5. **Быков А. Ю.** Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества (1731-1917 гг.): автореф. дисс. ... д.и.н. СПб., 2006. 42 с.
6. **Всесоюзная перепись населения 1926 г.** М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1928. Т. VIII. 256 с.
7. **Голод в казахской степи** / сост. С. Абдирайымов, И. Н. Буханова, Е. Н. Грибанова, Н. Р. Джагфаров, Н. П. Осипов. Алма-Ата: Казахский университет, 1991. 208 с.
8. **Голунов С. В.** Российско-казахстанская граница: история формирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. Вып. 10. С. 68-87.
9. **Данияров К. К.** О новой истории Казахстана. Алматы: Гылым, 2004. 500 с.
10. **Дахшлейгер Г. Ф.** Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. 1966. № 4. С. 3-23.
11. **Дахшлейгер Г. Ф.** Социально-экономические преобразования в деревне и ауле Казахстана. 1921-1929 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 536 с.
12. **Дахшлейгер Г. Ф., Нурпенсов К. Н.** История крестьянства Советского Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1985. 247 с.
13. **Казиев С. Ш.** Национально-политические процессы и межнациональные отношения в Казахстане (1920-1995 годы): автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1999. 23 с.
14. **Козлов А. П.** Социально-экономические преобразования в казахском доколхозном ауле второй половины 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26). Ч. I. С. 118-122.
15. **Козлов А. П.** Сплошная коллективизация в зерновых районах Казахстана (1929-1932 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (39). Ч. I. С. 101-104.
16. **Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 – июнь 1941 г.):** документы и материалы / под ред. А. Б. Турсунбаева. Алма-Ата: Казахстан, 1967. Ч. I. 576 с.
17. **Кузембайұлы А., Абиль Е.** История Республики Казахстан (с древнейших времен до 20-х гг. XX в.). Алматы: Гылым, 1996. 341 с.
18. **Кшибеков Д. К.** Истоки ментальности казахов. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 202 с.
19. **Масанов Н. Э.** Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевника. Алматы: Социнвест; М.: Горизонт, 1995. 320 с.
20. **Орынбаева Д. Ш., Жакишева С. А.** Социальный портрет коммунистов и партийной номенклатуры Казахстана в период репрессий в 1937-1938 гг. // Казахстан-Спектр. 1999. № 1 (7). С. 131-139.
21. **Очерки истории Коммунистической партии Казахстана.** Алма-Ата: Казахстан, 1984. 758 с.
22. **Резолюции V Всеказахстанской конференции РКП(б).** Кзыл-Орда: Казкрайком РКП(б), 1925. 46 с.
23. **Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921-1925 гг.):** сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд. АН Казахской ССР, 1962. 594 с.

**PROBLEMS OF SEDENTARIZATION OF THE KAZAKH AUL
IN AGRARIAN POLICY OF SOVIET POWER OF THE 1920-1930S**

Kozlov Aleksandr Petrovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Saint-Petersburg State University of Economics
petrovich138@yandex.ru

The article is devoted to the problems of the settlement of the Kazakh aul in the 1920-1930s, the origins of which date back to the years of the Alash Autonomy existence. According to the author the policy of the forced sedentarization of the Kazakh aul of the end of the 1920s – the beginning of the 1930s, which led to tragic consequences for the Kazakh ethnos, is a logical continuation of the agrarian policy of the republican leadership that had been carried out since the beginning of the 1920s. Its main goal was the fixation of the indigenous ethnic group in the agricultural districts by means of the redistribution of the available land in favor of the titular nation.

Key words and phrases: agrarian policy; demographic crisis; land survey works; sedentarization policy; titular nation; extensive cattle-breeding; ethnocracy.